

Кеннет М. Хиллас

О существенных вопросах противоракетной обороны

Что представляет собой противоракетная оборона (ПРО) и почему она важна? Как и в любой стратегической проблеме, выяснение наиболее значимых вопросов определяет рамки дебатов. Однако и самые объективные наблюдатели, вероятно, согласились бы, что в оценке американского предложения развернуть перехватчики в Польше и радарное устройство в Чешской Республике как часть щита ПРО некоторые вопросы являются центральными. Среди них следующие:

- действительно ли необходим щит против потенциальных ракетных ударов большей и средней дальности неконтролируемых государств или террористических групп? имеются ли разумные основания для предвидения подобной угрозы?

- может ли сегодняшняя технология дать нам уверенность в работоспособности такой системы? если да, оправдывает ли она вложенные средства?

- последний, но не последний по значимости вопрос: что является стратегическим участием развертывания или неразвертывания европейской поддержки для щита ПРО?

Существует ли потенциальная угроза и как мы должны относиться к ней?

Страна, внушающая наибольшее беспокойство, – Иран, но это не единственное государство, стремящееся к созданию МБР (межконтинентальных баллистических ракет). Другие

страны также стремятся нарушить ограничения Режимы контроля за ракетными технологиями. Нет нужды ссылаться на дипломатические или разведывательные донесения для понимания реальности угрозы. По утверждениям иранского правительства, оно поставило целью осуществление космического запуска ракет, а между ним и созданием МБР нет существенных различий. Оценки экспертов различаются лишь сроками, в какие Иран сможет достичь этой цели, но не следует забывать и о том, насколько неточны были предсказания касательно развития ракетной программы Северной Кореи в 1998 году – непосредственно перед тем, как Пхеньян осуществил успешный запуск ракеты «Таэпо Донг П», продемонстрировав впервые запуск ракеты дальнего действия. Этот испытательный запуск стал для мира сигналом тревоги и заставил правительство Соединенных Штатов (при администрации Клинтона) усилить научные исследования по созданию щита против того типа ограниченного удара МБР, на который очевидно стала способна Северная Корея. Сегодня имеются базы ракетных перехватчиков на Аляске и в Калифорнии, готовые встретить подобную угрозу.

Иранский президент Ахмадинежад ясно дает понять, что не боится обмена ядерными ударами. Внушает беспокойство, что он отверг опасность обмена ядерными ударами с Израилем – подразумевая, что для уничтожения Израиля как страны было бы достаточно нескольких ядерных бомб, тогда как Иран и мусульманский мир в целом смогли бы «поглотить» подобные удары и продолжить существовать. Это поднимает вопрос, принимает ли Ахмадинежад принципы сдерживания Взаимно гарантированного уничтожения (ВГУ), которое обеспечивало нам стабильность во время «холодной войны». Ясно, что Ахмадинежад не единственный экстремист на Ближнем Востоке или в других регионах, готовый пожертвовать собственной жизнью или жизнями множества невинных гражданских жителей ради достижения политических целей. Проще говоря, концепция ВГУ не работает против тех, кто хочет рассматривать «самоубийство как добродетель».

В то время как можно резонно утверждать, что концепция ВГУ помогла предотвратить ядерный Армагеддон во время «холодной войны», риск непреднамеренного конфликта всегда оставался угрожающим из-за того, что считалось, что сторона, наносящая «первый удар», имеет преимущество. Не раз две супердержавы стояли на краю войны. И Москва, и Вашингтон признавали этот риск и предпринимали шаги, чтобы различными способами смягчить его, включая «экстренную связь» и заключение Договора по антибаллистическим ракетам (АБР) в 1972 году, позволившего каждой стороне развернуть свою собственную ограниченную территориальную ракетную систему защиты. Согласно Договору по АБР, СССР установил ракетный щит для защиты Москвы – систему, которую Россия поддерживает до сегодняшнего дня, в то время как Соединенные Штаты в то время не стали развертывать систему АБР. В 2002 году, в свете нового стратегического баланса периода после «холодной войны» и быстрого роста числа государств, стремящихся достичь ядерной боеспособности, Соединенные Штаты вышли из Договора по АБР. В то же самое время Соединенные Штаты и Россия в 2002 году заключили Московское соглашение, которое уже сократило количество американского и российского ядерного вооружения намного быстрее, чем это могло бы произойти.

Сегодня большее, чем когда-либо, число стран стремится развить свое ядерное вооружение и ракетные системы доставки дальнего радиуса действия. В 1997 году насчитывалось шесть государств, обладавших и ядерным оружием, и ракетносителями дальнего радиуса действия; а сегодня их имеют уже 11 стран. На таком фоне демократические государства трансатлантического альянса не могут предоставить решать их судьбы фанатическим и/или нестабильным правительствам. Перед лицом роста числа стран, обладающих оружием массового поражения и средствами их доставки, можем ли мы себе позволить оставить население наших стран без защиты против этой весьма реальной угрозы? Даже без учета роста числа стран всегда есть риск внезапного изменения режима в

некоторых государствах, обладающих ядерным оружием и МБР, что могло бы привести к власти радикальные силы с антизападной настроенностью. Ввиду всего этого со стороны правительства было бы лишь благоразумной мерой предусмотреть безопасность своей страны и населения. Такова цель системы ПРО.

Конечно, для противостояния этой будущей угрозе необходимо усилить международные гарантии нераспространения, и это было главным приоритетом американского правительства и многих его союзников в течение прошлого десятилетия. Но одного такого ответа недостаточно. Было бы безответственно надеяться лишь на усиление международного режима нераспространения. К сожалению, история показала, что непримиримые государства с соответствующими человеческими, технологическими и финансовыми ресурсами зачастую находят пути преодоления препятствий к обладанию оружием массового поражения и средствами их доставки.

Работоспособна ли система ПРО?

Важно понять, что перехватчики, развернутые в Аляске и Калифорнии, а теперь предложенные для Польши, не несут боеголовки – ни обычной, ни ядерной – их действие заключается скорее в повреждении ракеты кинетической силой воздействия, которое по сути распыляет и сам перехватчик, и наступательное оружие. Это походит на стрельбу по пуле с помощью другой пули, и технологически весьма сложно. Еще шесть лет назад испытания системы ПРО, находящейся тогда в стадии развития, были неутешительны, а ряд неудавшихся испытаний получил широкое освещение в СМИ. Немногим известно, что 14 из последних 15 испытаний системы прошли успешно, а, поскольку перехват происходит над атмосферой, все до последнего обломки сгорают при падении на землю. Другими словами, система оправдала себя, а поскольку она не использует боеголовки, то район базирования перехватчика не сталкивается ни с какими сопутствующими рисками. Недавний прогресс в очистке ПРО обещает еще большую

эффективность системы. Должны ли ждать достижения успеха на 99,99% прежде чем развертывать систему? Это принесло бы большую «пользу врагу», что никогда не было успешной стратегией в обороне или сдерживании враждебного нападения.

Правительство Соединенных Штатов уже инвестировало 155 миллионов долларов в подготовку развертывания «Третьего участка ПРО в Европе», и в 2008 году мы планировали вложить 235 миллионов долларов в начальную подготовку участка и строительство в Польше. Несомненно, вся система обойдется дорого, но в США, в результате усовершенствования эффективности системы ПРО возросла и поддержка ее Конгрессом. Мое правительство полагает, что необходимость защитить американских граждан и граждан наших союзников и друзей в Европе от риска неконтролируемого ядерного ракетного удара намного перевешивает любые затраты, и потому мы готовы оплатить счет за систему ПРО. Очевидно, следующие друг за другом правительства в Москве согласились с таким расчетом, поскольку первоначально также хотели развертывать – и с тех пор поддерживали ракетный щит вокруг своей столицы и главных населенных центров, а не вокруг своих ракетных бункеров.

Недавно развернутая система ПРО выросла из понятия «звездных войн» 1980-х годов, но на самом деле весьма от него отлична. То понятие предполагало базируемую в космосе систему, использующую все еще теоретическое передовое оружие и лазеры для перехвата МБР, запущенных против Соединенных Штатов. Цель «звездных войн» состояла в отражении советского первого удара и основывалась на теоретической технологии, которая не была даже еще разработана, тогда как нынешняя система ПРО уже достаточно разработана, чтобы суметь противостоять ограниченной, но весьма реальной угрозе средствами уже существующей и оправдавшей себя технологии.

НАТО и ПРО

Что же тогда является стратегическими разветвлениями противоракетного щита? Именно в этом вопросе, где любой анализ основан на предположениях и гипотезах, существует широкий диапазон мнений. Некоторые критики утверждают, что ПРО будет защищать только Соединенные Штаты, но, если бы это было так, мы даже не нуждались бы в европейском участке. Американское предложение установить радар ПРО в Чешской Республике и развернуть десять перехватчиков в Польше отражает не только технические и географические соображения, но и признание важности обеспечения равной безопасности для всех членов союза. Если бы США готовились отразить возможную ракетную угрозу, развертывая перехватчики лишь на собственном Ист-Косте, это было бы естественно воспринято как выбор только для Америки. Но именно основополагающий вопрос – готовность США участвовать в обороне Европы – и привел к учреждению НАТО и решающей гарантии взаимной обороны, закрепленной в Статье 5 Вашингтонского соглашения. Вместо разделения союза предложенное развертывание противоракетной обороны поддержало бы общую защиту, что успешно укрепило бы НАТО с 1949 года.

В то время как предложенные средства ПРО в Польше и Чешской Республике обеспечили бы большую часть Европы – включая и немалую часть России – щитом против ракетных ударов дальнего радиуса действия, они не стали бы защитой против угрозы удара ближнего радиуса действия. НАТО уже предпринимало меры по этому поводу, приняв в марте 2005 года программу Эшелонированной противоракетной обороны театра боевых действий (ПРО ТБД), объединяющей различные запланированные системы в единую сеть, которая должна вступить в эксплуатацию к 2010 году. На Пражском саммите НАТО в 2002 году исследовались различные варианты ПРО, а на Рижском саммите НАТО 2006 года было признано, что программа ПРО союза выполнима, и были приняты обязательства по исследованию военно-политических последствий

этого шага. Эта система НАТО могла бы служить дополнением к ПРО, и данные от обеих систем могли бы быть взаимосвязаны, обеспечивая эффективный охват всей Европы.

Некоторые критики утверждают, что американская и европейская уязвимость в отношении потенциального ракетного неконтролируемого удара в будущем – цена, которую следует заплатить, потому что она так или иначе ограничит американское могущество. И хотя немногие защитники этого положения открыто признали бы это, такая оценка принимает и перспективу будущего ядерного шантажа неподконтрольным государством или террористической организацией. Концепция сдерживания ВГУ ограничила возможность для нас такой угрозы, но зависимость от доброй воли фанатических режимов, полагающих самоубийство добродетелью, неприемлема. Нет нужды в несомненной доверии к американским намерениям, чтобы понять, что риск конфликта с неконтролируемым ядерным государством может быть существенно уменьшен противоракетным оборонным щитом. Если страна, находящая под угрозой, не имеет эффективной защиты, у нее лишь два пути: либо сдаться, либо нападать. «Полный спектр» системы ПРО в Европе внес бы свой вклад в стабильность и мир во всем мире, обеспечив защиту против стратегического шантажа и предоставив членам альянса возможность невоенных решений по предотвращению этой угрозы.

Аргумент, что американская система ПРО в Польше и Чешской Республике так или иначе «подсекла» бы солидарность НАТО, не заслуживает доверия и не отражает прошлой практики НАТО относительно инициатив по защите индивидуальных государств-членов. Некоторые союзники НАТО уже имеют противоракетные программы защиты, которые в целом рассматриваются как помощь всецелой безопасности союза. Они включают французско-итальянскую мобильную наземную программу SAMP-T системы «земля-воздух», американско-германо-датскую программу «Патриот» и американско-германо-итальянскую программу Средней расширенной системы

ПВО (MEADS). При этом что все союзники вовлечены в обсуждение данной программы, никто не требует, чтобы все они принимали участие в практических мерах по ее исследованию, развитию и развертыванию.

Российский фактор

Что касается отношений с Россией, то политические оценки здесь также разнятся – одни имеют отношение к другим проблемам, помимо ПРО, а другие отражают недостаток информации. Мы надеемся, что приближающиеся дебаты по предложенным участкам размещения ПРО в Европе помогут разъяснить проблему. Конечно, ни одно из государств-членов НАТО не заинтересовано в возрождении напряженных отношений с Россией. Как сказал недавно в Мюнхене Президенту Путину министр обороны Гейтс, «одной холодной войны вполне достаточно». Поэтому удивительно слышать, как некоторые из членов альянса призывают к консультациям с Россией по этой проблеме, будто мы не делали этого все время. Это факт, что Соединенные Штаты информировали руководящих российских чиновников как об обеих программах ПРО, так и о неофициальных консультациях с Польшей и Чешской Республикой. Фактически только в прошлом году было проведено более 10 таких брифингов с российскими чиновниками. Только теперь, после формального предложения по ПРО, российское правительство публично выразило некую серьезную общественную оппозицию этой идее. В действительности в прошлом ноябре тогдашний российский министр обороны Сергей Иванов посетил американскую военную базу перехватчика Форт Грили на Аляске, и он не выражал никакого беспокойства насчет того, что это может представлять какую-либо угрозу для России в качестве стратегического средства устрашения. С 2002 года НАТО и Россия вели непрерывный диалог по проблемам сотрудничества в области противоракетной обороны театра боевых действий, а Соединенные Штаты, Польша и Чешская Республика сообщали

российскому правительству о наших двусторонних консультациях по ПРО.

Может ли база перехватчика ПРО в Польше нарушить глобальный стратегический баланс? Базируемый в Польше перехватчик физически не может перехватить российскую МКБР, запущенную на Соединенные Штаты, и российские оборонные эксперты это знают. В любом случае, несколько десятков перехватчиков на Аляске, в Калифорнии и Польше не могли представлять угрозы тысячам МКБР стратегического арсенала России, и к тому же их предназначение состоит не в этом. К сожалению, Россия, похоже, хочет наложить вето на суверенные решения по обороне Польши и Чешской Республики, в самом деле пытаясь вернуть себе сферу влияния в Центральной и Восточной Европе. Нет никакой причины полагать, что предложенное развертывание ПРО в Европе является причиной недавней российской тревожащей уверенности в себе, предшествующей общественному обсуждению ПРО. Отношения Запада с Москвой не будут улучшаться или ухудшаться из-за проблемы ПРО.

В этом отношении весьма поучительны уроки расширения НАТО 1999 года. Как и теперь, российская риторика в то время была достаточно пылкой и иногда угрожающей. Однако члены альянса открыто и терпеливо вели переговоры с Россией, воздерживаясь от усиления напряженности в отношениях, что могло бы повредить долгосрочным отношениям. Альянс был последователен в поддержании своего единства и, что важно, это способствовало его решимости расширить трансатлантическое сообщество безопасности. В то же время члены альянса предложили России установить новые деловые связи на уровне Совета НАТО – Россия. Это обязательство оправдало себя, и Москва приспособилась к расширенному НАТО, не прервав отношений с Европой. Сегодня Россия вновь проверяет на прочность решимость НАТО и европейскую солидарность. При должном подходе наши отношения с Россией могут оставаться в надлежащем балансе, в зависимости от разнообразия событий в других областях, включая

энергетическую безопасность и взаимоотношения России с ее независимыми и суверенными соседями. Россия вряд ли станет принимать конкретные военные меры в ответ на развертывание баз перехватчиков ПРО, которые, как она знает, не представляют никакой угрозы ее безопасности, даже если ее риторические намеки и предназначены для того, чтобы поляки и другие думали иначе.

Воздействие на американско-польские отношения

Важно иметь в виду, что консультации, предшествовавшие недавнему американскому предложению по противоракетной обороне, продолжались более четырех лет, в них участвовали четыре различных польских правительства, и все они последовательно давали понять об их заинтересованности в сотрудничестве по ПРО. Выгоды противоракетного щита были ясно оценены и левыми и правыми правительствами. Поскольку в течение прошлого десятилетия Соединенные Штаты повторно формировали свое послевоенное развертывание в Европе, Польша выражала надежду, что передислокация американских сил, в то время базируемых в Германии, приведет к американскому военному присутствию на польской земле. Хотя в то время этого и не произошло, однако это желание представляло неявное признание того факта, что базируемые в Польше американские силы станут материальной демонстрацией наших обязательств по защите польской территории. Если бы и были когда-либо какие-нибудь сомнения в этом отношении, то 200 солдат, укомплектовывающих базу перехватчика, должны были бы подкрепить Статью 5 НАТО, гарантирующую, что любое нападение на Польшу означало бы нападение непосредственно на Соединенные Штаты. Система ПРО еще более углубила бы наше стратегическое партнерство и укрепила бы наши тесные связи с области обороны.

Внесла бы свой вклад в безопасность Польши база перехватчика или, скорее, как утверждают ее противники, превратила бы Польшу в мишень? Если мир и получил какой-либо урок

11 сентября, то он состоит в том, что никакая страна не гарантирована от террористического нападения. То есть обзор американских военных мер базирования с одиннадцатью различными государствами-членами НАТО не предполагает, что они являются основными целями террористических нападений или самим своим присутствием в некотором роде могут ускорить такие нападения. Некорректная логика такого положения может привести к пацифистской позиции о том, что вообще нельзя обладать никакими оборонными средствами, чтобы они не спровоцировали врага.

У Польши есть собственные законные проблемы национальной безопасности – как и у любой другой страны в регионе – и они являются темой продолжающихся консультаций между США и польскими правительствами. Польша является крупнейшим европейским адресатом американской помощи в области безопасности, получая вдвое больше, чем любое другое европейское государство. Именно тогда, когда в последние годы американская помощь Европе в сфере безопасности уменьшилась почти на 50%, Польша выделяется как одна из немногих стран, не претерпевших существенных сокращений. Это отражает значимость, которую обе наши страны придают двусторонним оборонным отношениям. Это является также и подходящим фоном для национальных дебатов, которые пройдут в Польше. От их результатов будет зависеть многое и, с учетом ее доли, программа ПРО имеет право быть рассмотренной всерьез и по достоинству. Было бы жаль, если бы фундаментальную проблему безопасности рассматривали как средство для политического трюкачества.

С английского перевел А. Горлов
(перевод неавторизованный)